
В.С. Собкин

Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2008 г.

ПОДРОСТОК И ПОЛИТИКА: ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Аннотация

В статье излагаются общие принципы, которые легли в основу разработанной автором программы по изучению особенностей политической социализации в старшем школьном возрасте. Эта программа была начата в 1996 г., результаты исследования опубликованы в монографии «Старшеклассник в мире политики» (1997). Основная установка программы — не просто посмотреть на мир современной российской политики глазами подростка, а попытаться с его помощью прояснить реальные противоречия и напряжения политической жизни России. За этим стоит понимание особой культурологической значимости и особого статуса подростничества, незаменимости этой позиции в общем культурном процессе. Более того, автор полагает, что мнение подростка отражает социокультурные напряжения порой рельефнее и точнее, чем суждения взрослых.

Второй крупный опрос, проведенный в рамках данной программы, был осуществлен почти десять лет спустя, в 2005 г. Сопоставлению ответов подростков двух разных поколений на вопросы, касающиеся различных аспектов российской политики, посвящена завершающая часть данной статьи. При этом автор ставит своей целью выявить именно те ценностные сдвиги, которые определяют траекторию изменения представлений подростков о сфере политики.

○ значении
социально-
политической
ситуации

Речь здесь прежде всего идет об общей характеристике того социального контекста, в котором проведено исследование. Прояснить его необходимо, поскольку исходное понимание общего смысла социальной ситуации позволяет по меньшей мере определить уместность и своевременность исследования. Уместность и своевременность в том плане, что интересующие исследователя социально-психологические феномены действительно актуализируются в данной ситуации, а следовательно, могут быть выявлены и изучены. По сути дела, здесь я имею в виду в качестве аналогии (и только в качестве аналогии) тот аспект методологии культурно-исторической теории Л.С. Выготского, который достаточно подробно обсуждает А.А. Пузырей [28], касаясь вопроса о построении определенных «машин» («ловушек для природы»), другими слова-

ми, особым техник, порождающих и амплифицирующих психические процессы и явления. Только в данном случае проблема состоит не в поиске и особом анализе искусственных (знаковых) систем, а в обнаружении тех реальных социальных ситуаций, особым «сценариев» социальной жизни, где интересующие нас социальные феномены могут возникнуть и проявиться. Таким образом, здесь, скорее, задан просто иной масштаб рассмотрения ситуаций амплификации психических феноменов, который состоит в переходе от знаковых структур к *социальным сценариям*, хотя суть проблемы, на мой взгляд, та же.

Специфика социокультурной ситуации состоит в том, что в последнее время обозначилось различие точек зрения на экономическое и финансовое положение, социальные отношения, внутреннюю и внешнюю политику, военную стратегию, позицию государства в области культуры и образования. И именно такое «расширение политического поля» определяет специфику социально-политического контекста, в котором мы рассматриваем политические ориентации подростков. Несмотря на внешнюю банальность данной фиксации, ее важно иметь в виду по той причине, что различие политических позиций не просто артикулировано: оно задает конструкцию того содержательного пространства, тех содержательных оппозиций, в рамках которых осуществляется личностное политическое самоопределение. И именно в этом отношении сама современная ситуация является уникальной для проведения исследования политических мнений, установок, ценностей старшеклассников, поскольку она требует от ближайшего социального окружения подростка (от его родителей, учителей, других значимых взрослых) реального и совершенно конкретного *политического самоопределения*.

На этот момент стоит обратить специальное внимание. В своих предыдущих работах [33; 51; 52; 53] мне уже приходилось отмечать, что особенностью современного процесса социализации подростка в России является то, что этот процесс протекает не просто в ситуации социально-экономической нестабильности, но именно в ситуации ценностно-нормативной неопределенности, когда существенно деформированы характерные для стабильных обществ механизмы передачи ценностей от старшего поколения к младшему. В этом отношении правомерна аналогия относительно различных типов трансляции социокультурного опыта, которые обсуждала в свое время Маргарет Мид при характеристике разных типов культур — постфигуративной (где дети учатся у своих предшественников), кофигуративной (где и дети и взрослые учатся у сверстников) и префигуративной (где взрослые учатся также у своих детей). В контексте этих представлений о типах трансляции социокультурного опыта следует отметить общую ориентацию социокультурной ситуации в России в направлении вектора префигуративности. И в то же время следует отметить, что в социокультурной жизни возникают такие моменты «напряжения и сгущения»,

когда в ближайшем социальном окружении подростка четко проявляются политические установки и ценности старшего поколения. В подобные моменты «сгущения» взрослый мир начинает выступать «различимым и оформленным» в своих политических позициях, пристрастиях, мнениях, оценках, поведенческих проявлениях. Особенно это характерно для предвыборных ситуаций и ситуаций кризиса.

В этой связи стоит обратить внимание на следующее высказывание Пьера Бурдьё: «Если опросы общественного мнения плохо ухватывают потенциальное состояние мнения, точнее — его движения, то причиной тому, в числе прочих, совершенно искусственная обстановка, в которой мнения людей опросами регистрируются» [5. С. 173]. Только мне представляется, что это не «в числе прочих», а именно один из наиболее существенных и принципиальных моментов. Кстати, далее Пьер Бурдьё отмечает, что «в обстановке “кризиса” люди оказываются перед сформировавшимися мнениями, перед мнениями, поддерживаемыми отдельными группами, и, таким образом, выбирать между мнениями со всей очевидностью означает выбирать между группами. Таков принцип “эффекта политизации”, производимого кризисом: приходится выбирать между группами, определившимися политически, и все более определять выбор эксплицитно политическими принципами» [Там же]. Поэтому особую роль при изучении политических ориентаций играют проблемы идентичности (национальной, профессиональной), а также социально-экономической самоидентификации и самоидентификации, связанной с включенностью подростка в различные социальные группы.

Обратим еще раз внимание на то, что существенным моментом, определяющим принцип действия эффекта политизации, является лежащий в его основе выбор между группами. Это свидетельствует о том, что в ситуации политизации человеком актуализируются наиболее существенные основания его социальной идентичности. Именно эти основания играют главную роль в продуцировании эффекта политизации.

Таким образом, можно ожидать, что чувство социальной идентичности приобретает все большую значимость и в политическом развитии подростков. Именно это и представляет особый интерес, поскольку подростковый возраст и ранняя юность как раз и характеризуются «кризисом идентичности» [49]. Заметим, что в отечественной психологической традиции сходные особенности этого возрастного этапа описываются в терминах личностного самоопределения (Л.И. Божович, В.В. Давыдов, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин и др.). Таким образом, проблематика становления политического сознания подростка оказывается принципиально важной для понимания формирования тех фундаментальных психологических новообразований, которые возникают на данном возрастном этапе. Собственно, на отношениях к политическим реалиям и можно выявить ту специфическую позицию подростка в соци-

альной реальности, которую Д.И. Фельдштейн обозначает как особое позиционное отношение «Я и общество» [40]. В этой связи следует подчеркнуть, что определение своей позиции по поводу политических реалий формирует совершенно особый тип отношения, ставящий «Я» в особую общественную, гражданскую позицию, в основе которой лежит специфическое ценностное отношение к социальной действительности.

Итак, по меньшей мере следующие три аспекта характеризуют особенность современной социальной ситуации, в которой происходит политическое самоопределение подростка: содержательное расширение самого политического поля; оформленность и артикулированность различных политических позиций; отнесенность этих позиций к групповым интересам. Эти аспекты социальной ситуации в существенной степени конституируют те социальные сценарии, которые порождают и амплифицируют характерные проявления политического сознания и поведения. Более того, уже сам предварительный анализ эффекта политизации общественного мнения дает возможность поставить вопрос об уместности проведения исследования по выявлению влияния формирующейся социальной идентичности подростка на характер и тип его политических ориентаций.

Наконец, следует обратить внимание еще на один аспект, который касается «политического смысла» той социальной ситуации, в которой проводится исследование, особенно если это происходит в период проведения избирательной кампании по выборам органов власти. Дело в том, что социологический опрос, направленный на выявление политических ориентаций, заставляет респондента ценностно определиться в политическом поле. Иными словами, это своеобразное «политическое голосование». И специфику этой «голосующей» позиции респондента мы обязаны учитывать. Как отмечает Юрген Хабермас [43], в принципе избирательная кампания преследует цель достижения общественного согласия. Более того, на основе плюралистического выражения мнений избирателей, их волеизъявления происходит «легитимация власти». Этот момент принципиален, поскольку именно легитимация власти в процессе свободного волеизъявления, с одной стороны, обеспечивает лояльность масс к властным структурам, а с другой — дает возможность власти быть относительно независимой. Таким образом, процесс волеизъявления есть результат «с одной стороны, интенсивного развития коммуникативных процессов формирования ценностей и норм, с другой — организационных усилий политической системы» [Там же. С. 127]. Иными словами, в ходе избирательной кампании мы сталкиваемся с ключевым моментом политики: не просто борьбой за власть, но борьбой за легитимность властных полномочий. В этом получении легитимности и состоит основная «ставка» избирательной кампании. Можно думать, что и для респондента (несмотря на анонимность опроса) важно выражение позиции, как ценностно значимой на общественном уровне.

О предмете
исследования

В «Педологии подростка» Л.С. Выготский со ссылкой на П.П. Блонского отмечает, что «история школьника и юноши есть история очень интенсивного развития и оформления классовой психологии и идеологии» [6. С. 59]. При этом «классовая психология ребенка создается в результате сотрудничества его с окружающими, выражаясь проще и короче, в результате общей жизни с ними, общей деятельности, общих интересов. Повторяем, классовая спайка образуется не в результате внешнего подражания, но общности жизни, деятельности и интересов» [Там же]. Однако, вступая далее в диалог с П.П. Блонским, Л.С. Выготский отмечает, что понять особенность переходного возраста как эпохи интенсивного развития и оформления классовой психологии и идеологии мы не сможем, если ограничимся только представлениями об общности жизни и интересов со взрослыми и не коснемся тех механизмов, тех способов интеллектуальной деятельности, с помощью которых классовая психология складывается. И таким механизмом, по мнению Л.С. Выготского, является понятийное мышление: «Образование понятий раскрывает перед подростком мир общественного сознания и приводит с неизбежностью к интенсивному развитию и оформлению классовой психологии и идеологии» [Там же. С. 61]. Подчеркивая, что «годы подростничества — годы формирования подростка, в первую очередь его общественно-политического мирозерцания» [Там же], годы, когда вырабатываются те или иные симпатии и антипатии, годы «усиленного ломания головы над проблемами жизни» [Там же. С. 62], он указывает, что решение проблем, «которые выдвигает перед подростком сама жизнь, и решительное вступление его в качестве активного участника в эту жизнь требуют для своего разрешения развития высших форм мышления» [Там же. С. 61]. Именно в эту плоскость, плоскость *развития понятийного мышления*, и переводит Л.С. Выготский свой дальнейший анализ.

При этом обозначается ряд характерных особенностей мышления подростка. Первое — это «романтизм мысли» и в то же время излишнее логизирование (логический интерес к последствиям в размышлениях над отдельными темами; увеличение высказываний, основанных на допущениях и предположениях, и др.) как противоречие переходной формы мышления, которое в своей внутренней логике ориентировано на формирование диалектического способа мышления как высшей формы мышления. Существенной чертой мышления в переходном возрасте являются «не только обогащение содержания мышления, но и новые формы движения, новые формы оперирования этим содержанием» [Там же. С. 65]. Второе — это ориентация мышления на мир внутренних переживаний: «Только с образованием понятий наступает интенсивное развитие самовосприятия, самонаблюдения, интенсивное познание внутренней действительности, мира собственных переживаний» [Там же]. Третье — это переход от конкретного к абстрактному мышлению. Причем здесь принципиальны не столько связь и отно-

шения между понятиями, сколько тот феномен, который был выявлен в экспериментах Е.И. Пашковской, связанный с «включением содержания во внутренний состав мышления», когда содержание начинает высказываться от *личного имени* говорящего: «Содержание мышления становится внутренним убеждением говорящего, направленностью его мыслей, его интересом, нормой его поведения, его желанием и намерением. Это проступает особенно отчетливо, когда мы имеем дело с ответами подростков на актуальные вопросы современности, *политики* (выделено мной. — В.С.), общественной жизни, плана собственной жизни и т.д.» [б. С. 71]. И далее: «Понятие и отраженное в нем содержание передается не ... как усвоенное извне нечто вполне объективное; оно сопряжено со сложными внутренними моментами личности, и подчас бывает трудно определить, где кончается объективное высказывание и где начинается проявление собственного интереса, убеждения, направленности поведения» [Там же]. Иными словами, «каждая сфера содержания имеет свои специфические функции и ... становясь достоянием личности, начинает участвовать в общем движении личности, в общей системе ее развития как один из ее внутренних моментов» [Там же]. И здесь мы подходим к наиболее важному и существенному для нашей работы выводу: «Мысль, усвоенная ясно, становясь личной мыслью подростка, помимо собственной логики и собственного движения начинает подчиняться общим закономерностям той личной системы мышления, в которую она включилась как известная часть, и задача психолога как раз состоит в том, чтобы суметь проследить этот процесс и суметь найти сложную структуру личности и ее мышления, в которую включена ясно усвоенная мысль. Подобно тому как мяч, брошенный на палубе парохода, двигается по диагонали параллелограмма двух сил, так мысль, усвоенная в эту пору, двигается по диагонали какого-то сложного параллелограмма, отражающего две различные силы, две различные системы движения» [Там же. С. 71–72].

Это действительно один из центральных моментов, имеющих принципиальное значение для нашего исследования. Дело в том, что сама сфера политики конструируется и формируется таким образом, что она не укладывается в логику классических понятийных систем. Как отмечает Жан-Мари Дэнкен, изменчива сама сфера политики; демаркационные линии между политическим и неполитическим подвижны; то, что в одних типах обществ может быть включено в сферу политики, в других из нее исключается; тот или иной факт может иметь или не иметь политического смысла; политические представления являются компенсирующими по своей природе, они имеют ценностную значимость, они внутренне противоречивы (например, одно из противоречий — между моральностью и эффективностью политических действий). Наконец, политические представления имеют корыстный характер и множественны («ибо политический субъект представляет политику ... в зависимости от интересов, являющихся действующими причинами»

[12. С. 34–35]); они имеют конфликтный характер в силу спроецированности в них разных групповых интересов; истина в мире политики не пользуется привилегированным положением («Как и в любой другой области, в политике имеют место истина и заблуждение, есть люди, говорящие правду, и есть люди, говорящие неправду. Но важно иметь в виду, что логика мира политики не предоставляет истине никакого онтологического преимущества. В политике истинное представление не лучше и не эффективнее, чем ложное представление. Оно только другое представление и, как и ложное представление, подчинено ставке взаимодействий корыстных сознаний» [Там же. С. 36]).

Приведенных характеристик вполне достаточно, чтобы вновь обратиться к высказанной Л.С. Выготским идее о «сложном параллелограмме двух сил». Так, когда мы подходим к вопросу о политическом развитии подростка, то, во-первых, мы обнаруживаем весьма своеобразную природу самих политических понятий, когда мысль совершается в особом логическом пространстве с целым рядом инверсий: ложное — истинное, моральное — эффективное и др.; во-вторых, именно в пространстве политики с особой остротой начинают проявляться пристрастность мышления, влияние личностной системы. Политические представления в наибольшей степени оказываются обусловленными жизненным опытом субъекта, его социальными, культурными, религиозными ценностями. Политические представления формируются как социальные представления, а они, как отмечает С. Московичи, строятся по другим основаниям, чем научные понятия. Это «живая генерирующая социальность», обладающая контекстуальностью, аффективной насыщенностью и целым рядом других свойств, отличающих их от научных понятий [23; 24].

Таким образом, с одной стороны, сама специфика возраста, связанная с расширением социальной среды подростка («формирование классовой психологии») неизбежно заставляет перейти к рассмотрению особенностей отношения подростка к сфере политики, поскольку эта сфера начинает играть особую роль в *содержании* его мышления (вернее, отношения к миру). С другой стороны, не только этот общий момент, касающийся вхождения в более широкий социальный контекст, но и своеобразие самой сферы политики как специфической реальности позволяет выявить особые типы ценностного отношения к миру. И наконец, проявление ценностных установок при оценке политических реалий неизбежно связано с отнесением этих ценностей к характеристикам определенной группы (в этом и заключается смысл термина «классовая психология»). Именно поэтому, повторимся, отношение «старшеклассник и политика» может быть рассмотрено как особая сфера для изучения процессов формирования социальной идентичности в подростковом возрасте. В принципе же общую, более широкую рамку предмета исследования можно определить как изучение политической социализации.

Использование данного термина требует ряда пояснений. В этом, в частности, убеждает знакомство с практически первой вышедшей у нас книгой по политической психологии [8]. Проблеме политической социализации в ней отведен специальный параграф. Исходя из общих представлений о том, что социализация предполагает два аспекта — знание законов и правил и умение ими пользоваться, — авторы считают, что «центральным моментом политической социализации является адекватное представление о власти и властных отношениях» [Там же. С. 77]. При этом логика развития политической социализации идет по двум линиям. Одна из них — усвоение властных отношений в расширяющейся системе социальных институтов (семья, детский сад, школа и т.д.). Другая линия политической социализации связана с формированием представлений о собственных правах. По сути дела, этими двумя сюжетами авторы и ограничиваются, добавляя к ним такие аспекты, как критичность к власти у представителей разных социальных слоев, влияние тех или иных социальных институтов на формирование политических ориентаций и ряд других.

Думается, что проблема гораздо сложнее и несводима к модели усвоения правил уличного движения, которой пользуются авторы, поясняя суть политической социализации. Авторы назвали параграф, посвященный данному вопросу, «Политическая социализация — как человек становится гражданином?», но к центральному пункту, содержательно определяющему суть политической социализации, — *к становлению гражданина* — не подходят даже в первом приближении. Вообще мне представляется, что определять генезис политической социализации из распределения властных отношений, усваиваемых дошкольниками в семье, есть сближение идей, мягко говоря, «далековатых». Становление и формирование политического сознания совершается на определенном возрастном этапе, и редукции к более ранним возрастам мало что проясняют. Кстати, то, что политическое мировоззрение, формирование идеологии совершается именно в подростковом возрасте, подчеркивал и Л.С. Выготский (да и многие другие психологи, занимавшиеся возрастным развитием). Иными словами, на мой взгляд, малооправданно пренебрегать качественным своеобразием того возрастного этапа, когда действительно складываются и формируются политические ориентации.

Но это не главное. Главное, как мне кажется, в том, что существенные *содержательные* феномены политической социализации, политического самоопределения просто не затронуты. Да они и не могут быть затронуты, если строить анализ на неадекватной модели усвоения правил уличного движения, которая неадекватна уже только потому, что не предполагает обращения к институциональному контексту [3], не подразумевает соотнесения цели и средств, не моделирует «права выбора». Вообще, как отмечает Эрих Фромм, «если не беспокоиться о переходе от настоящего к будущему, то и не придется иметь дела с политикой» [42. С. 225].

○ политичес-
кой социализа-
ции

Попытаюсь прояснить свое понимание политической социализации. Один из характерных примеров проявления проблематики политической социализации, политического самоопределения описан А.С. Пушкиным 160 лет назад. Действительно, Петруше Гриневу пошел семнадцатый годок: «родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна». Припоминаете? Ну, а если припоминаете, то давайте вспомним и его разговоры с Пугачевым: «Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу»; «Но бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести». И на суде: «...я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог» [29].

По меньшей мере три аспекта здесь существенны: 1) отнесение себя к соответствующей социальной группе («я офицер и дворянин»), определяющее *поступок* в силу принадлежности к этой группе; 2) отношение к морали, долгу («я присягал»), которое задает определенное конфликтное напряжение, фиксирующее аспект личностной «связанности» с группой, что весьма характерно для процесса политического самоопределения (клятва, присяга, и т.д.); 3) конфликт между личной позицией и общественной, социальной (лично Пугачеву жизнью рад заплатить Гринева, но против дворянской чести и христианской совести пойти не может). По сути, коллизия определена Пушкиным в эпиграфе: «Береги честь смолоду». Иными словами, политическое самоопределение базируется на фундаментальных моральных, идеологических принципах, принятии особой общественной, гражданской позиции. Поэтому рассматривать политическую социализацию в отрыве от становления морального сознания, ценностных установок малооправданно.

Более того, в определенных социокультурных контекстах политическое самоопределение связано не просто с пониманием властных отношений и своих прав, но с совершенно особым *отношением* к власти и официальной идеологии: *инакомыслием*, активностью занимаемой политической позиции, готовностью ее выразить. Это близко к тому аспекту социализации, который описывают П. Бергер и Т. Лукман: «Проблема заключается в социализации индивида в терминах контр-определения реальности, которое противостоит определениям реальности “официальных” легитиматоров общества» [3. С. 236]. Отсюда фундаментальные для политического сознания моменты, определяемые оппозицией авторитаризм — критичность. Можно добавлять здесь и другие аспекты (регламентация — сопричастность и др.), которые применимы для анализа конкретных типов политической социализации [17].

Таким образом, уточняя общее направление нашего понимания политической социализации, выделим несколько аспектов. Во-первых, этот процесс рассматривается нами не как пассивное усвоение и воспроизводство социального опыта. Достаточно распространенным является представление о политической социализации

зации как об ассимиляции индивидов социальными группами. В нашем же понимании это в целом процесс активного освоения социального опыта, вхождения в политическую культуру, формирования ценностно ориентированной *гражданской позиции*. Во-вторых, можно согласиться с Жан-Мари Дэнкеном в том, что политическая социализация функционирует в определенных рамках и воспроизводит «данный мир политики, а не чистый и какой бы то ни было мир политики» [12. С. 70]. Это принципиально, поскольку политическая социализация происходит не в общем виде, а в конкретных социокультурных условиях и культурных традициях. В-третьих, политическая социализация тесно связана с моральными, ценностными, идеологическими установками. Причем нравственная коллизия, которая разыгрывается при политическом самоопределении, как раз связана с выходом из частной, приватной позиции в общественную. Сам по себе подобный выход отнюдь не прост и связан с особой работой и особым типом переживания отношений «Я и общество».

И наконец, подчеркнем, что понимание особенностей формирования политической социализации именно в подростковом возрасте имеет общее теоретическое значение, поскольку позволяет понять генезис тех или иных *типов* политических ценностей и установок.

Попытаюсь наметить ряд особенностей, которые, на мой взгляд, характеризуют специфику современной социокультурной ситуации и оказывают существенное влияние на процесс политической социализации нынешнего старшеклассника.

Одну из этих характеристик я уже отметил, определяя современную социокультурную ситуацию как ситуацию *ценностно-нормативной неопределенности*. Для понимания специфики политической социализации это крайне важно, поскольку проясняет своеобразие трансляции социокультурных ценностей от старшего поколения к младшему в современной России. Помимо этого стоит, как мне представляется, обратить внимание еще на четыре характерные черты актуального социокультурного пространства.

1. *Эмоциональная оценка жизненных перспектив* (оптимизм — пессимизм). Одним из наиболее существенных признаков той или иной культурной эпохи, как тонко заметил Й. Хейзинга, является та особая эмоциональная доминанта, которая характеризует основное состояние, стилистику присущих ей переживаний (романтизм, сентиментализм и т.д.). Выявить доминирующее *эмоциональное состояние* культурного сознания в период кризиса, социальной неустойчивости крайне важно, поскольку именно оно определяет «горизонт наших ожиданий». В связи с этим представляется, что оппозиция «пессимизм — оптимизм» вообще является одной из фундаментальных эмоциональных модальностей, характеризующих социокультурный контекст и определяющих (и это принципиально) общий эмоциональный фон процесса социализации.

Несколько замечаний о специфике социокультурной ситуации

Достаточно явно своеобразие эмоционального переживания россиянами перспектив своего будущего проявилось в нашем кросс-культурном исследовании москвичей и амстердамцев [37]. Различия в типах эмоционального самоощущения респондентов, опрошенных в Москве и Амстердаме, очевидны. Так, если практически три четверти амстердамцев являются оптимистами относительно своих жизненных перспектив (63,3% среди учащихся, 74,8% среди родителей и 74,0% среди учителей), то среди москвичей доля оптимистов крайне незначительна (соответственно 31,7, 10,3 и 8,4%). Эмпирическая фиксация подобных различий представляется нам весьма существенной, поскольку проясняет тот фон, общий эмоциональный контекст, в котором происходит социализация современного подростка в России и формирование его ценностных ориентаций. Безусловно, ситуация, когда каждый пятый родитель (21,8%) и практически каждый третий учитель (27,6%) испытывают «пессимизм и страх перед будущим» (среди амстердамцев таких соответственно всего лишь 7,2 и 6,3%) и более половины взрослых (63,0% родителей и 59,5% учителей) «сомневаются в успешности реализации своих жизненных планов» (в Амстердаме соответственно 18,3 и 19,8%), не может не отразиться на специфике формирования ценностных ориентаций подростков, трансляции культурных ценностей от одного поколения к другому. Более того, подобная общая *фрустрированность взрослого мира* предполагает особые стратегии (в частности, актуализацию всевозможных защитных реакций, замещений и манифестаций) при взаимодействии с молодым поколением.

Было бы наивно думать, что подросток не чувствует и не видит *растерянности* взрослого мира. В свое время Эрик Эриксон отмечал, что «развитие ребенка состоит из серии вызовов, которые он бросает своему окружению для того, чтобы оно обеспечило развитие его впервые возникших потенциальностей» [48. С. 105]. И в связи с этим следует иметь в виду, что в современной социокультурной ситуации в России подобные «вызовы» бросаются взрослому окружению, которое находится в состоянии неуверенности, а часто и эмоциональной подавленности. Важно и другое: неуверенность в своем будущем, фрустрированность относительно своих жизненных перспектив могут проявиться и оказать влияние на характер политических ориентаций подростков. В частности, вполне вероятны защитные реакции, связанные с реконструкцией, повышением значимости тех политических представлений, которые характерны для бывшего советского общества. Таким образом, «горизонт ожиданий» определяется большинством из пессимистически окрашенной позиции, позиции неуверенности в своем будущем. Это может существенно прояснить смысл тех или иных ценностных ориентаций в политике как определенных реакций, связанных с защитными механизмами, замещениями и т.п.

2. *Сдвиг культурных ценностей* (Запад — Восток). «Запад — Восток» — одна из фундаментальных содержательных оппозиций

для русской культуры. Своеобразие этого «географического факта» отмечалось неоднократно. Вспомним П.Я. Чаадаева: «Мир искони делился на две части — Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода... Мы живем на востоке Европы — это верно, и тем не менее мы никогда не принадлежали к Востоку... Уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой, заимствует оттуда все наиболее серьезные свои идеи...» [45. С. 141–147]. Практически ни один крупный мыслитель России не остался равнодушным к этой оппозиции как фундаментальной проблеме культуры, религии и политики, вплоть до характеристики особого личностного типа «западника» и особых переживаний, связанных с самой коллизией «Запад — Восток». Так, у Ф.М. Достоевского читаем: «Мы в недоумении стояли тогда перед европейской дорогой нашей, чувствовали, что не могли сойти с нее, как от истины, принятой нами безо всякого колебания за истину, и в то же время, в первый раз, настоящим образом стали сознать себя русскими и почувствовали на себе, как трудно разрывать связь с родной почвой и дышать чужим воздухом...» [13. С. 10]. Это век девятнадцатый, но инвариантность этого сюжета сохранилась и в двадцатом, и в двадцать первом; он, хоть и приобретал на разных исторических этапах разные смысловые оттенки (вспомним «железный занавес»), сохранялся в своих существенных чертах. Так, казалось бы, А.А. Зиновьев [16] исходит из совершенно иных посылок, из иных теоретических и социально-экономических представлений, но его оппозиция «коммунизм — западнизм» в своих глубинных смысловых основаниях контаминирует с проблематизацией «Запад — Восток» XIX в. даже по самому характеру переживаний «разрыва с почвой», которую обозначил Ф.М. Достоевский.

В 1990-е гг. общий сдвиг культурных ценностей в сторону Запада был очевиден и декларировался на разных уровнях, начиная с идеологии (гласность, переход к рынку и т.д.). Чувствительной к этому сдвигу оказалась и подростковая субкультура. Так, например, общее смещение молодежной субкультуры в сторону западных ценностей отчетливо прослеживается на материале художественных ориентаций школьников [35; 36]. В этом смысле художественные ценности вообще являются достаточно хорошим индикатором изменения культурных ориентаций в целом. Как писал в 1935 г. Й. Хейзинга, «дабы убедиться в лихорадочном состоянии нынешней культурной жизни, возьмем еще один чувствительный прибор для измерения ценностей — искусство» [44. С. 254]. С этим утверждением можно вполне согласиться.

Подобный сдвиг имеет ряд серьезных следствий. Во-первых, весьма важно оценить то, какие типы и образцы западной культуры начинают доминировать в молодежной субкультуре. Во-вторых, с

особой остротой встает вопрос о сохранении гуманистического национального ядра культуры и о том «защитном поясе», который состоит «из системы социальных, поведенческих, нравственных и интеллектуальных реакций на все виды аккультурации» [31. С. 7]. В этом отношении можно думать, что в силу описанного выше общего пессимистического настроения сам этот «защитный пояс» существенно ослаблен. И именно в силу этого возможно ожидать таких отмеченных А.И. Ракитовым проявлений, как «неуважение к человеку и отрицание всего нового, прежде всего в своей основе: в сфере технологии производства, власти и общественной жизни» [Там же. С. 8]. Подобные тенденции могут проявиться в сфере политических ориентаций старшеклассников, и скорее всего — именно в тех социальных слоях, где наиболее ослаблен культурный «защитный пояс».

3. «Разблокировка — вытеснение». Для прояснения этого аспекта имеет смысл обратиться опять к П.Я. Чаадаеву: «Дело касается не пустяка: приходится решить, может ли народ, раз сознавший, что он в течение века шел по ложному пути, в один прекрасный день простым актом сознательной воли вернуться по пройденному следу, порвать с ходом своего развития, начать его сызнова, воссоединить порванную нить своей жизни на том самом месте, где она некогда, не очень-то ясно каким образом, оборвалась. А между тем приходится сознаться, что мы накануне если не разрешения, то во всяком случае попытки разрешения этой необычайной задачи, накануне такого социального эксперимента...» [46. С. 200]. Сходство с современной социокультурной ситуацией в России поразительно. По своей сути сегодняшнее культурное напряжение переживается как «разрыв и воссоединение».

В то же время важно подчеркнуть, что механизм вытеснения вообще характерен для отечественной культуры. На него, в частности, обратил внимание В.З. Паперный [25], анализируя специфические процессы переименования городов и улиц на рубеже 1920-х и 1930-х гг. Характерным примером из периода 1990-х может служить переименование станций московского метро: «Ждановская» — «Выхино», «Площадь Ногина» — «Китай-город», «Площадь Свердлова» — «Театральная». Как заметил Виктор Ерофеев, «Начался всенародный бобок! Идет великая чистка номенклатурных могил!» [15. С. 54]. Примеры подобного рода можно множить и множить. Но важно иметь в виду, что это не просто формальный акт вычеркивания из «социокультурной таблицы» (А. Моль, [22]) тех или иных ценностей, этот процесс связан с вытеснением глубоких ценностно-нормативных структур, характерных для *Ното soveticus*. Это касается как прескриптивных, так и проспективных норм. Иными словами, как наиболее ценных и одобряемых моделей поведения, так и различного рода запретов и ограничений на определенные способы действия и мысли, которые задавались как образцы. Например, опираясь на исследования В.А. Лефевра, можно предположить, что с исключением из круга чтения подрост-

ка произведений военно-патриотической тематики вытесняется такая характерная для советской культуры нормативная модель риска, обуславливающая стремление к героическому поведению, самопожертвованию, повышающему этический статус личности. Этот способ действий заменяется на рациональное, утилитарное решение проблем, соответствующее западной модели риска [50].

Наряду с механизмом вытеснения работает и противоположный механизм разблокировки культуры. По мнению Л. Гудкова и Б. Дубина [10], этот процесс связан с «включением часов культуры» для произведений, которые блокировались социальными группами, ранее имевшими власть и «нарезавшими паек культуры».

По сути дела, здесь мы фиксируем феномен, близкий по своему смыслу к тому, что П. Бергер и Т. Лукман [3] обозначают как *альтернатию*, требующую по-новому расставить акценты реальности и демонтировать предшествующую номическую структуру, реинтерпретировать ее. Но подобный тип реинтерпретаций в существенной степени опирается на их поддержку микросоциальным окружением, значимыми другими. В этом отношении принципиальное значение как для взрослых, так и для подростков имеют те микросоциальные общности, которые либо поддерживают старые представления, либо ориентированы на вводимые новые элементы реинтерпретаций. И в этом отношении мы находим для себя дополнительные аргументы относительно особой значимости микросоциального окружения при формировании политических ориентаций подростка.

4. «Текст — подтекст культуры». Здесь возможны содержательные повторы, поскольку проблема соотношения текста и культурного подтекста непосредственно связана с вопросами защитного пояса культуры, механизмами вытеснения и блокировки. Вместе с тем, если мы строим рассуждение относительно политических реалий, мы не можем не коснуться такого специфического для культуры охранного механизма в сфере идеологии, как политическая цензура. Именно поэтому цензуре стоит уделить специальное внимание.

В истории политической жизни России этот вопрос традиционен и имеет целый ряд характерных аспектов своего рассмотрения, начиная от влияния цензуры на формирование самостоятельной, ответственной гражданской позиции и кончая собственно социологическими сюжетами о том, кто имеет право на цензуру, что должно подлежать цензуре и т.д. Так, например, А.Н. Радищев более двухсот лет назад писал: «Теперь свободно иметь всякому орудия печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетние, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершен-

ный на возрасте будет каляка... Таковы бывают везде следствия обыкновенной цензуры...» [30. С. 103–104]. Как видим, формирование «каляки», человека, не способного «собою править» и лишенного гражданской ответственности, А.Н. Радищев непосредственно связывает с существованием цензуры. Помимо этого, он поднимает вопрос и о том, кому должно принадлежать *право* на цензуру. Причем здесь А.Н. Радищев весьма радикален: «Цензура печатаемого принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец или употребит листы на обертки» [Там же. С. 108]. По сути, за этим лежит определенное представление о гражданском обществе, именно оно (общество) определяет, что общественно значимо и ценно, а что, как говорится, «на обертки».

Для нашей работы особый интерес представляет еще один аспект. Попытаюсь его обозначить. Вот что мы читаем в статье, написанной в середине XIX в., за подписью Русский Либерал: «В обществе возникла литература письменная, ускользающая от цензуры и неведомая правительству. Статьи всякого содержания ходят из рук в руки, переписываются в значительном количестве экземпляров, перевозятся и пересылаются из столиц в провинции и из провинций в столицы; и все это делается само собою, без всякого заранее обдуманного плана, без всякой организации. Достаточно сколько-нибудь присмотреться к тому, как все это совершается, чтобы убедиться, что здесь не нужно предполагать существование тайного общества, занимающегося сочинением подобных статей и их распространением. Каждый и без того с жадностью читает их, переписывает и сообщает своим знакомым. Заговорщиков здесь нет; заговорщики все принимающие какое-нибудь участие в делах отечества, а это большинство образованного класса в России» [9. С. 38]. Признаемся, ведь это как будто списано из нашего совсем недавнего прошлого. Принципиально важно здесь описание функционирования особого типа социальной коммуникации, которая разворачивается параллельно с существующей открыто и официально поддерживаемой коммуникацией, ориентированной на обсуждение политических реалий. Эту неофициальную, цензурно блокируемую коммуникацию я и имею в виду, говоря о существовании культурного подтекста официальной идеологии. Таким образом, мы фиксируем традиционно сложившуюся в России «двухслойную» организацию политического пространства. Причем подобная организация коммуникации весьма устойчива и, как мы видим, по меньшей мере в письменной культуре существует более двух веков, а в 60-е гг. прошлого столетия она уже освоила «новые технологии». В связи с этим вспомним у Александра Галича: «Есть магнитофон системы “Яуза”. Вот и все. И этого достаточно...» Сегодня возможности подобного рода коммуникаций благодаря техно-эволюционным процессам существенно расширены, особенно в связи с развитием интернета.

Однако для нас в данном случае важно обратить внимание на то, что политическая коммуникация, не имеющая возможности от-

крыто функционировать в силу цензурных запретов, существует на особых нюансах смысла, подтекстах. Это особый тип социальной коммуникации, который условно можно обозначить как «понимающий». Его кратко и точно описал Ю. Тынянов в предисловии к своему роману «Смерть Вазир-Мухтара»: «Они узнавали друг друга потом в толпе тридцатых годов, люди двадцатых, — у них был такой “масонский знак”, взгляд такой и в особенности усмешка, которой другие уже не понимали. Усмешка была почти детская» [39. С. 10]. Кстати, само предисловие к роману можно считать образцом подобной «понимающей» коммуникации. Действительно, роман посвящен Александру Грибоедову, но неявные отсылки к современным для автора реалиям 30-х гг. прошлого века (роман написан в самом начале 1930-х), ассоциации с ситуацией в Советской России возникают постоянно. Таким образом, если воспользоваться традиционным различием «значение — смысл», то можно прийти к выводу о том, что официальная политическая идеология ориентирована на значения (причем здесь «отношения гражданина и государства... заключены в рамки “изъявления верности”» [17. С. 55]), а отмеченный нами тип коммуникации, вытесняемый социальными фильтрами, ориентирован на сферу смыслов. В результате усилий политической системы, использующей социальные фильтры контроля за информацией, формирующиеся именно в неофициальной системе коммуникации политические ценности и нормы обладают особой смысловой значимостью, поскольку они строятся на основе особых лично ориентированных коммуникативных структур и текстов, принципиально настроенных на включение механизмов смыслообразования. Причем уже сама невозможность выразить себя открыто («Проступает пятном немота». — А. Галич) предельно заостряла ценностные аспекты самоопределения, критичности к себе. Проблема отношения человека и государства строилась в зоне смыслов именно как нравственная. Например, у Владимира Высоцкого:

«А мы живем в мертвящей пустоте, —
Попробуй надави — так брызнет гноем, —
И страх мертвящий заглушаем воем —
И те, что первые, и люди, что в хвосте.

И обязательные жертвоприношенья,
Отцами нашими воспетые не раз,
Печать поставили на наше поколенья —
Лишили разума, и памяти, и глаз» [10. С. 176].

Таким образом, этот особый тип коммуникации — «дружеский круг», строящийся на тесных горизонтальных связях, основанный на неформальном доверии, был ориентирован на дистанцирование от государства. Иными словами, если официальная, открытая система коммуникации строилась на «изъявлении верности», то

неформальная — на критичности, недоверии и дистанцировании от государства.

Столь подробная фиксация этих моментов обусловлена их особой важностью для понимания своеобразия формирования политических ориентаций современных старшеклассников. Дело в том, что современная социокультурная ситуация существенно отличается от вышеописанной. Сегодня игра на подтекстах практически исчезла, поскольку все различие мнений выплеснулось непосредственно в тексты, которые относительно равнозначны по своему статусу; иными словами, они практически все *открыты*. Вспомним здесь опять Русского Либерала из 50-х гг. прошлого века: «Мы услышим одно: требование гласности» [9. С. 60]. Собственно, с гласности и началась трансформация СССР. И в то же время нельзя не видеть, что культура упростилась, «сплюснулась», пропала ее многослойность. Тексты, критикующие современную власть, «открыты» и не предполагают игры подтекстов. И в этом отношении мы можем говорить о том, что формирование политических ориентаций современного подростка строится в основном на уровне значений, без включения глубинных механизмов смыслообразования, поскольку исчезло ключевое противопоставление двух типов коммуникации.

Конечно, не стоит упрощать. Относительно немногие старшеклассники в советский период читали запрещенную литературу. Но, заметим, цитированное выше «Путешествие из Петербурга в Москву» было включено в школьную программу, и то, что было процитировано, можно «вычитать» при определенном *усилии мысли*, определенном «наведении на резкость» относительно видения окружающей социальной действительности. Добавим: песню Булата Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья» знали почти все, а это — практически («по смыслу») про то же, о чем писал Ю. Тынянов. Иными словами, смысловые подтексты, вызванные напряжениями между официальной идеологией и цензурно блокируемыми текстами, можно было обнаружить в самых различных сферах культуры: в политических текстах и публицистике, в произведениях искусства — вплоть до реального бытового поведения.

Таким образом, характерными особенностями современной социокультурной ситуации, в которой происходит формирование политических ориентаций нынешнего старшеклассника, являются, с одной стороны, явная выраженность в культуре различных политических суждений и оценок, отражающая плюрализм мнений различных социальных групп, политических партий и движений, а с другой — «уплощенность» культуры, перевод политических противоречий на уровень значений, ослабление собственно смысловых культурных напряжений, от которых зависит актуализация механизмов личностного политического самоопределения подростка; того смыслового поля, на основе которого формируются фундаментальные ценностные ориентации.

Помимо этого есть еще один аспект, на который стоит обратить внимание. Так, параллельно с отмеченным «уплощением» (ис-

чезновением подтекстов в политической жизни) разворачивается процесс, который можно обозначить как театрализацию политического пространства. На театрализацию как на один из механизмов, обеспечивающих культурные трансформации в моменты резких социальных изменений, указывал в свое время Ю.М. Лотман: «Есть эпохи, когда искусство властно вторгается в быт, эстетизируя повседневное течение жизни» [19. С. 285]. Здесь достаточно указать на различные политические ток-шоу на телевидении («К барьеру!» В. Соловьева и др.). Примеры театрализации политической жизни можно множить и множить. Обсуждать «талантливость» исполнения ролей не входит в нашу задачу. Но сам факт театрализации политического пространства, которая проявляется и в реальном поведении самих граждан, подчеркнуть стоит в силу того важного обстоятельства, которое отметил Ю.М. Лотман при описании становления политического сознания молодежи начала прошлого века: «Взгляд на реальную жизнь как на спектакль не только давал человеку возможность избирать амплуа индивидуального поведения, но и наполнял его ожиданием событий. Сюжетность, то есть возможность неожиданных происшествий, неожиданных переворотов, становилась нормой. Именно сознание того, что любые политические перевороты возможны, формировало жизненное ощущение молодежи начала XIX в. Революционное сознание романтической дворянской молодежи имело много источников. Психологически оно было подготовлено, в частности, и привычкой “театрально” смотреть на жизнь. Именно модель театрального поведения превращала человека в действующее лицо, освобождала его от автоматической власти группового поведения, обычая» [Там же. С. 285–286]. Прервем цитату. Разве такие черты, как сюжетность, событийность, не являются специфическими характеристиками сегодняшнего политического сознания? Более того, именно к подобной сюжетности и событийности тяготеют и политологические комментарии аналитиков и в прессе, и на телевидении. По сути дела, если заменить норму «романтизм сознания», то данное описание вполне применимо к характеристике того контекста, который обуславливает формирование политического сознания современной молодежи. Но в культурологическом отношении суть проблемы как раз и состоит в обнаружении этой культурно задаваемой идеальной нормы политического поведения. Именно она сегодня и неясна. Например, если вернуться к обсуждавшемуся нами выше вопросу о вестернизации молодежной субкультуры (что, в частности, проявляется в явном сдвиге художественных предпочтений в пользу западных произведений искусства) и учесть также общие макроэкономические тенденции, обусловленные переходом к рыночной экономике, то можно предположить, что ценностное основание, определяющее современную культурно задаваемую норму политического поведения, окажется связанным с модальностью, которую Эрих Фромм [41] обозначает как «иметь». Сама оппозиция «иметь или быть», введенная Э. Фромм-

мом, касается ценностно-этических оснований культурной нормы, и именно она, на наш взгляд, оказывается принципиально важной при анализе политических ориентаций современных подростков.

Заметим, что здесь мы затрагиваем одну из центральных проблем подросткового возраста. В связи с этим обратимся к статье К.Н. Поливановой [27], которая показала, что в логике культурно-исторического подхода сам кризис подростничества задается именно разрывом в соотношении реальной и идеальной формы. Причем, как отмечает автор, «сегодня еще нет в культуре (а не в психологических теориях) ведущей деятельности подростничества. Поэтому в жизни мы имеем дело с кризисом, не находящим своего разрешения» [Там же. С. 21]. По сути дела, основная коллизия драмы развития в подростковом возрасте состоит в поиске этой идеальной формы. Но проблема заключается в том, что в современной культуре эта форма явно не предъявлена, ее надо найти и обнаружить, а это специальная внутренняя работа по поиску ее ценностных оснований. И здесь пространство политики именно в силу конкретности событий и действий выступает как содержательное пространство, особый «полигон», где возможно осуществить соотношение общих ценностных оснований с реалиями политической жизни.

Проведенный выше анализ, касающийся специфики современной социокультурной ситуации, преследует две основные цели. Во-первых, обсуждавшиеся выше особенности социокультурной ситуации («оптимизм — пессимизм», «Восток — Запад», «разблокировка — вытеснение», «текст — подтекст») наряду с общими социально-экономическими тенденциями («централизация — децентрализация», социально-экономическая стратификация и др.) необходимо иметь в виду при интерпретации конкретных эмпирических результатов. Именно своеобразие социокультурных напряжений является определяющим для понимания содержательной специфики политических ориентаций современного подростка в России. Более того, сама проблема — политические ориентации — предполагает обращение к социокультурному контексту, к фундаментальным социокультурным напряжениям. Во-вторых, мы намеренно привлекали к анализу современной ситуации материалы, относящиеся к XIX в. Подобные отсылки показывают, что выделенные сюжеты (заданные в виде оппозиции) являются во многом инвариантными для русской культуры. Свообразие же современной социокультурной ситуации состоит, на наш взгляд, в том, что эти напряжения «сошлись» вместе.

Общая идея исследовательской программы

По своему основному замыслу программа исследования соотносима со взглядами, развиваемыми Пьером Бурдьё, и в первую очередь с его идеями о *социальной топологии*. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что суть подхода заключается в том, что социум рассматривается как многомерное пространство, где агенты и группы агентов определяются по их относительным позициям в

нем. Это является социальной «реальностью первого порядка», которая конституирует социальное пространство через отношения различных социальных позиций (на основе материальных ресурсов и средств присвоения — капитала экономического, культурного, социального, символического). По сути дела, это классическое, восходящее к работам Питирима Сорокина определение социального пространства через задание социальных позиций и статусных отношений между ними. Новым, пожалуй, здесь является то, что вводится представление о разных социальных полях — культурном, политическом и т.д., — каждое из которых имеет свою логику и собственную иерархию. Хотя представление об особых социальных пространствах существует и у Питирима Сорокина (напомним: «социальная стратификация», «экономическая стратификация», «политическая стратификация», «профессиональная стратификация»). Однако принципиальной в подходе Пьера Бурдьё, на наш взгляд, является идея соотнесения «реальности первого порядка» с «реальностью второго порядка». «Реальность второго порядка» — это представления, схемы мышления и поведения. Это особое видение социального мира, связанное с «когнитивными стратегиями, которые продуцируют смысл объектов социального мира» [5. С. 64]. Способ восприятия мира, с одной стороны, обусловлен социально (видение реальности с определенной социальной позиции задает своеобразный ракурс — «точку зрения») и определяет категории восприятия. Причем работа по выработке категорий ведется постоянно при помощи всевозможных социальных формул — заявлений, проклятий и похвал, комплиментов, критики и т.д. С другой стороны, восприятие связано с «чувством социальной позиции», с переживанием места, которое человек занял в социальном пространстве и которое задается модальностями «можно — нельзя» (определяя границы социальной позиции: «это не для нас», фиксируя дистанции между позициями: «нас надо уважать» и др.).

В нашем случае, когда мы говорим о старшекласснике, мы уже определили, задали его место в социальном пространстве, «вписав» подростка самим этим определением — «старшеклассник» — в определенное социальное поле, а именно в систему образования. Но здесь следует согласиться с Бурдьё в том, что это «класс на бумаге». Реальный школьник в процессе своей социализации включен в разные пространства, он совмещает многие социальные позиции. И в этом смысле принципиально важно вычленил различные социокультурные основания, определяющие социальную позицию: гендерные, возрастные, социально-стратификационные, этнические, конфессиональные.

Иными словами, классические сюжеты возрастной психологии (расширение социальной среды подростка, формирование классовой психологии подростка и др.) предполагают введение, во-первых, представлений о социальном пространстве, задаваемом через социальные позиции и, во-вторых, особых допущений, касаю-

щихся того, что эти позиции конституируют особое ценностное видение социального пространства — в нашем случае особого пространства политики. Таким образом, именно эта ценностно ориентированная специфика видения, особые ценностные ансамбли (этосы), характерные и специфичные для соответствующих позиций, и конкретизируют обозначенный выше в общем плане предмет исследования.

Если задание позиций, относительно которых можно строить анализ политических ориентаций (пол, материальный или образовательный статус, этническая или конфессиональная принадлежность), не вызывает особых затруднений, то конструирование того, что можно обозначить рабочим термином «*поле политики*», представляет известные сложности. Действительно, выявить ценностные ансамбли, характерные для той или иной социальной позиции, мы сможем только в том случае, если осмысленно зададим широкий содержательный контекст политических реалий. Иными словами, ценностно самоопределяться можно только в *содержательном* поле. В связи с этим понятно, что поле политики в самом исследовании должно быть задано через определенный набор содержательных утверждений. Однако, чтобы их сконструировать, необходимо учесть ряд требований.

Как мы уже отмечали, само поле политики не просто должно быть достаточно широким, т.е. охватывать различные аспекты политики, оно должно: 1) быть выстроено на материале, соответствующем реальному историческому контексту; 2) быть актуальным для соответствующего исторического момента и 3) отражать противоположные точки зрения, приемлемые для одних и неприемлемые для других социальных групп (т.е. «быть конфликтным»), поскольку само политическое мнение в основе своей есть отнесение себя к определенной группе. Это первый круг требований, который вытекает из высказанных выше соображений.

Вместе с тем важны и другие аспекты, которые также необходимо иметь в виду при конструировании политического пространства. К ним, например, относится соотношение «реального и должного» (по сути, фиксирующее чувство социальной позиции, ее границ и дистанции относительно других позиций: «можно — нельзя» или «мне (нам) доступно — не доступно»). Особый интерес также представляет отношение прошлого — настоящего — будущего. Возможности отсылки к прошлому и будущему необходимы для выявления особенностей политических позиций, поскольку, как мы отмечали выше, соответствуют внутренней природе политического видения социальной реальности. Названные требования учитываются при конструировании модальностей тех высказываний, которые используются в исследовании и относительно которых происходит самоопределение респондентов.

Наконец, объектами оценки должны выступать не только те или иные реальные (или возможные) политические факты, события или

действия, но и непосредственно различные модальности отношения самого респондента к тем или иным фактам и событиям (например, его «доверие или недоверие», его эмоциональные ощущения от событий — «чувство уверенности», «чувство унижения своего национального достоинства» и др.), а также готовность респондента к совершению тех или иных политических действий (например, готовность выразить свой политический протест в той или иной форме). Таким образом, содержательные конструкты, с помощью которых задается «экспериментальное» политическое пространство, обусловлены исходной многоуровневой моделью, предполагающей: 1) фактологический уровень реальных (или возможных) политических событий и действий; 2) уровень разных модальностей отношения к ним самого субъекта; 3) уровень действий субъекта «в предлагаемых обстоятельствах».

Особую сложность представляет конструирование непосредственного набора тех утверждений, которые должны быть предложены респонденту при ответе на соответствующий вопрос. Как уже отмечалось, сама политическая реальность является конфликтной и предполагает выбор между теми или иными утверждениями; основа выбора — это отнесенность мнения к той или иной группе, с которой идентифицирует себя субъект. Но все дело в том, что мы не знаем априори те ценностные ансамбли (этосы), которые соответствуют той или иной социальной позиции. Более того, именно их-то мы и хотим выявить в ходе исследования. В то же время изначально понятно, что структурирующим принципом для конструирования политического пространства является набор бинарных оппозиций. Собственно говоря, это тот прием, на котором строятся семиотические модели, описывающие различные типы культур, выявляющие различные культурные напряжения. Так, например, смеховая инверсия социальных позиций относительно ключевой оппозиции «верх — низ» является тем основанием, которое М.М. Бахтин использует для описания карнавальной культуры (шут становится королем, король — шутом). В этой связи можно сослаться также и на удачный опыт культурологического анализа становления ценностей советской системы в период 1920–1960-х гг., заданный через бинарные оппозиции «центробежность — центростремительность», «верх — низ», «растекание — затвердевание», «живое — механическое» [25]. Добавим, что и психосемантические исследования динамики политического сознания также строятся на выделении с помощью факторного анализа бинарных оппозиций «демократизм — тоталитаризм», «либерализм — национализм», «унитарность — децентрализация» [21]. И наконец, контент-анализ конкретных политологических дискурсов, посвященных интерпретации тех или иных политических ситуаций, показывает, что подобные дискурсы опираются на фундаментальные оппозиции типа «правое — левое», «центробежность — центростремительность»; «жесткость — мягкость», «старое — новое», «интеграция — дезинтеграция» и целый ряд других, на которые на-

слаиваются содержательные политологические противопоставления «консерватизм — либерализм», «коммунистическое — демократическое», «оппортунизм — ревизионизм», «авторитарность — демократизм» и т.д. В результате образуются семантические «склейки» («либерально-модернизационное направление» и т.п.), позволяющие ухватывать и содержательно описывать своеобразие тех или иных политических тенденций, характеризовать особенности электорального поведения и т.д. [26].

Попытаемся кратко охарактеризовать то экспериментальное политическое пространство, которое было сконструировано и использовано в наших исследованиях [33; 34]. Его описание удобно начать с крупных структурных единиц. По сути дела, такими единицами являются те или иные политические темы. Сам набор этих тем достаточно широк и охватывает наиболее остро дискутируемые проблемы и принципы их решения в различных сферах: государственное устройство России; внешняя политика; внутренняя политика (социальные отношения, национальные проблемы, отношения государства и религии); экономическое и финансовое положение; политика по отношению к средствам массовой информации; борьба с преступностью, земельная и военная реформы.

При этом подчеркнем, что сами вопросы о *принципах* ставятся в модальности *долженствования*: «Как, вы считаете, *должно* быть?», «Чем *надо* руководствоваться, с вашей точки зрения?» Иными словами, это ценностное отношение, которое предполагает выход в идеальный план («реальность второго порядка», по П. Бурдьё), где происходит соотнесение «существующего» как с «желательным», так и с «нежелательным». Более того, само это соотнесение может быть осуществлено и во временной перспективе: «прошлое — настоящее — будущее». Причем идеализироваться может не только будущее, но и прошлое. Например, монархия как форма государственного правления может рассматриваться как лучший вариант для России по сравнению с президентской или парламентской республикой. Заметим, что подобные инверсии и переносы прошлого в будущее, выбор прошлого как идеальной модели вообще весьма характерны для политического сознания («Россия — государство, где православие должно быть признано в качестве официальной религии», или «Территориальное деление России должно быть организовано по принципу губерний», или «Советский режим наиболее приемлем как политический режим»). С подобными переносами мы постоянно сталкиваемся в реальных дискуссиях политических лидеров, при выборе между различными партиями и направлениями. Таким образом, при конструировании высказываний относительно тех или иных принципов политики мы стремились учесть отмеченное Пьером Бурдьё положение о том, что политическое суждение и оценка содержат в себе особое видение социального мира, связанное с когнитивными стратегиями «восполнения», с отсылками к будущему или прошлому.

Если этот тип высказываний, как мы отметили выше, задает оппозиции в модальности *долженствования*, то возможен и другой

тип высказываний, где отношение к конкретным событиям строится как оценка в модальностях «хорошо — плохо», «близко — далеко», «доверяю — не доверяю». Например, возможны вопросы, касающиеся оценки результатов реформ, чековой приватизации, позитивного/негативного отношения к различным ветвям власти или к тем или иным политическим лидерам. Заметим, что различие между двумя типами высказываний состоит еще и в том, что в модальности долженствования «кругозор» респондента, как правило, расширен за счет отнесения к прошлому и будущему, а во втором, оценочном, типе высказываний — сужен, замкнут на оценку конкретного события.

Наконец, когда мы говорим непосредственно о фактологическом слое организации политического пространства, необходимо выделить совершенно особый тип фактов, который связан с *поведением и самооценкой* респондента.

Придерживаясь этих общих представлений, мы сконструировали различные утверждения, определяющие политическое поле нашего исследования, где отдельные политические сюжеты могут быть ценностно сориентированы в кругозоре видения респондента, с его ценностно самоопределяемой точки зрения. Здесь явно напрашивается аналогия с теми идеями, которые развиваются М.М. Бахтиным в связи с понятием «хронотоп». Подчеркнем, что хронотоп как формально-содержательная категория литературы используется М.М. Бахтиным в качестве определяющей и для жанра, и для образа человека в литературе. Но заметим, что сам М.М. Бахтин допускал расширительное использование этого термина в культурологических исследованиях: «Мы не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры» [1. С. 235]. В идеале в качестве «сверхзадачи» исследования можно было бы попытаться выделить этот особый возрастной подростковый хронотоп (или хронотопы?), определяющий ценностное видение политических реалий современным старшеклассником. Действительно, если мы хотим исследовать подростничество именно в рамках культурно-исторической парадигмы, то важно суметь развернуть не только своеобразие возрастного становления тех или иных мыслительных форм, но и становление форм ценностно-смысловых. Сделать же это можно, как нам представляется, лишь на материале конкретных эмпирических исследований. В этой связи обратимся к данным наших опросов.

Здесь мы используем эмпирические материалы двух проведенных нами анкетных опросов, которые были посвящены политическим ориентациям старшеклассников. В первом (проведен в 1996 г.) приняли участие 1604 респондента; во втором (2005 г.) — 2089. В обоих опросах участвовали московские школьники 9-х и 11-х классов. В опросе 2005 г. использовалась значительная часть тех же вопросов, что и в опросе 1996 г., что позволяет отследить достаточно характерные изменения политических ориентаций школьников за прошедшие между опросами девять лет.

Динамика
изменений
политических
ориентаций
старшекласс-
ников

Понятно, что в рамках статьи мы используем лишь часть полученных материалов (отдельные материалы этой исследовательской программы частично нами уже публиковались [34]). При этом мы выделим ряд достаточно важных, на наш взгляд, сюжетов, которые характеризуют отношение школьников к различным аспектам политики: государственное устройство, внешняя политика, оценка результатов реформ 1990-х гг., отношение к экономической политике. В ходе анализа полученных данных мы ограничимся лишь сопоставлением процентных распределений ответов на отдельные вопросы анкеты, стараясь зафиксировать наиболее существенные различия между ответами московских подростков двух разных поколений. С целью обобщения полученных результатов мы попытаемся с помощью метода факторного анализа выделить взаимосвязи между ответами на разные вопросы анкеты, обращая внимание именно на структурные особенности в сдвиге ценностных ориентаций подростков в сфере политики. При проведении факторного анализа для нас важно будет не только сопоставить ответы двух разных поколений подростков, но и соотнести мнения мальчиков и девочек из разных экономических страт (с низким, средним и высоким уровнем материальной обеспеченности). Заметим, что подобное использование процедуры факторного анализа представляет собой попытку выделить своеобразие ценностно ориентированных пространств (хронотопов) в сфере политики у подростков разных поколений.

Государственное устройство России глазами старшеклассников. Сравнивая ответы учащихся, мы обнаруживаем, что по целому ряду вопросов их позиции за последние десять лет практически не изменились. Так, например, в 1996 г. 49% учащихся считали, что наиболее приемлемой для России формой правления является президентская республика, и в 2005 г. таких ответов практически столько же — 48%. Вместе с тем существенно сократилось число сторонников парламентской республики — с 27 до 17%.

Достаточно характерны изменения в ответах по поводу желательного для России политического режима. Так, по сравнению с 1996 г. резко сократилось число сторонников демократии: с 72 до 59%. Параллельно с этим статистически значимо увеличилось число сторонников прежнего, советского политического строя — с 14 до 16% — и тоталитарного режима: с 4 до 9%. Важно отметить, что эта переориентация произошла на фоне заметного увеличения доли школьников, безразличных к вопросу о приемлемом для России политическом режиме: с 8 до 14%.

Характерно, что если в отношении учащихся к политическому режиму изменение мнений весьма заметно, то в отношении к форме государственного устройства сколько-нибудь выраженные различия практически отсутствуют. Так, если в 1996 г. сторонников федеративного государственного устройства России было 44%, то в 2005 г. таких 44,8%. Придерживаются взгляда на Россию как на унитарное государство соответственно 23 и 22%.

Особый интерес в связи с этим представляют ответы на вопрос, касающийся централизации/децентрализации власти. Здесь сдвиг достаточно характерен. Так, если в 1996 г. каждый четвертый подросток (26%) считал, что «вся власть должна быть сосредоточена в руках сильного центра», то сегодня этого мнения придерживается уже каждый третий — 34%. Параллельно явно сократилась доля тех, кто полагает, что «местные органы должны обладать всей полнотой власти на своей территории», — с 33 до 22%. Причем здесь также увеличилось число безразличных: с 8 до 13%.

Весьма характерны ответы подростков на проективный вопрос «Как бы вы провели границы России, если бы вам было дано право решать этот вопрос?». Девять лет назад доля тех, кто провел бы границу по очертаниям бывшей Российской империи, составляла 29%, в 2005 г. таких оказалось 15%. Число тех, кто провел бы ее по границам СССР после Великой Отечественной войны, за этот период не изменилось — 25%. В то же время резко увеличилась доля тех, кто определяет территорию России «по ныне существующим границам»: с 9 до 27%. Это дает основания сделать вывод о том, что нынешнее поколение в значительной своей части, в отличие от поколения середины 1990-х гг., согласно с новыми политическими реалиями, определяющими территорию Российской Федерации.

Может сложиться впечатление, что во взглядах подростков практически по всем вопросам, касающимся государственного устройства Российской Федерации, за десять лет произошли существенные изменения. Это неверно. Так, например, ответы на вопрос об организации административного деления России совпали практически до десятых долей процента: национально-территориального принципа придерживаются 47% респондентов в первом опросе и 46% во втором; склонны к территориальному делению соответственно 38 и 38%; число безразличных составляет 15% и 16%. Заметим, кстати, что такие результаты подтверждают валидность методики и репрезентативность сравниваемых выборок.

Внешняя политика. За прошедший период доля подростков, считающих, что для своего независимого самостоятельного развития Россия должна стать «закрытым государством с непроницаемыми границами», практически не изменилась: соответственно 30 и 27%. В то же время число сторонников «открытого государства» заметно снизилось: с 52 до 40%. При анализе ответов на другой вопрос мы фиксируем также и снижение доли тех, кто сориентирован на «принципы равноправного партнерства России во внешней политике», — с 72 до 63%. Это снижение во многом обусловлено увеличением числа считающих, что Россия должна придерживаться силовых методов в своей внешней политике: с 16 до 22%.

Особый интерес представляет изменение ответов подростков на вопрос об отношении к русскоязычному населению в ближнем зарубежье. Если в 1996 г. считали, что Россия должна активно

поддерживать национально-культурную автономию, 23,8% опрошенных, то в 2005 г. доля таких ответов увеличилась в 2 раза — 55%. Соответственно резко сократилось число безразличных к этой проблеме — с 16 до 8%.

Оценка результатов реформ. В ходе двух опросов мы просили респондентов оценить наиболее значимые, с их точки зрения, результаты реформ, проведенных в России в 1990-е гг. Результаты ответов даны в табл. 1.

Таблица 1 Оценка школьниками значимости главных результатов реформ, проведенных в России в 90-е гг., %

	1996 г.	2005 г.
Повышение уровня преступности	63,8	37,8
Обнищание населения	53,8	37,4
Разрушение экономики страны	47,0	43,3
Появление массовой безработицы	40,2	24,1
Обострение межнациональных конфликтов	37,4	16,1
Ослабление обороноспособности страны	35,4	22,8
«Утечка мозгов»	34,0	35,3
Падение влияния России на международной арене	31,1	31,9
Разрушение культуры, науки и образования	31,1	13,4
Разрушение системы здравоохранения	23,2	10,7
Наличие в средствах массовой информации большого количества произведений низкосортной западной культуры	15,6	9,7
Возможность получения более высоких заработков	26,5	7,8
Возможность свободного выезда за границу	25,0	12,7
Признание частной собственности	23,9	10,7
Переход к рыночной экономике	23,1	13,7
Ликвидация дефицита товаров	21,1	13,7
Появление многопартийности	13,0	11,0
Отмена цензуры	12,3	11,3
Экономическая свобода	12,2	8,8
Демократизация общественной жизни	8,6	7,3
Возможность развития национальных культур	7,9	4,3
Образование суверенного государства	7,4	5,7

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что негативные результаты реформ в середине 1990-х гг. воспринимались молодым поколением гораздо острее, чем сегодня. По сути дела, оценки значимости лишь двух результатов реформ («утечка мозгов» и падение влияния России на международной арене) остались сегодня на том же уровне. Значимость же большинства изменений явно снизилась. Причем это характерно не только для негативных результатов реформ, но и для позитивных. В целом приведенные в таблице результаты, повторимся, позволяют сделать вывод о том, что отношение к реформам 1990-х гг. стало более спокойным. Здесь явно сказывается влияние временной дистанции. Добавим, что если в 1990-е гг. практически каждый пятый подросток (19%) негативно воспринимал саму идею реформирования («Реформы не нужны, пусть все идет своим чередом»), то сегодня этой точки зрения придерживаются немногие — 4%. При

этом возросла доля тех, кто считает, что «перестройка была неизбежным итогом развития СССР». В 1996 г. так думали 32% подростков, а в 2005 г. — 39%.

Отношение к экономической политике. Здесь мы рассмотрим ответы на четыре вопроса, фиксирующие отношение респондентов к налоговым льготам, собственности на землю, хождению в России иностранной валюты и стимулированию отечественной экономики. Ответы на вопрос о предоставлении налоговых льгот показывают, что сегодняшние старшеклассники более сориентированы, чем их сверстники девять лет назад, на предоставление налоговых льгот пенсионерам (соответственно 64 и 42%), инвалидам (65 и 52%), многодетным семьям (41 и 27%). В то же время резко сократилось число тех, кто считает, что налоговые льготы должны предоставляться молодежи, совмещающей работу с учебной, — с 32 до 11% — и молодым семьям: с 14 до 6%. Приведенные данные показывают, что сегодняшние старшеклассники — сторонники усиления государственной поддержки социально слабых групп.

Достаточно характерно и изменение ответов подростков на вопрос о собственности на землю. На первый взгляд мнение достаточно устойчиво, поскольку число тех, кто считает, что «собственниками земли могут быть граждане России и их объединения», за период, прошедший между двумя опросами, практически не изменилось: в 1996 г. — 51%, в 2005 г. — 49%. Однако если мы обратимся к другому варианту ответа на этот вопрос, который имеет выраженную идеологическую окраску («земля может передаваться в собственность только тем людям, которые на ней реально работают»), то различия оказываются весьма существенными. В 1996 г. этот вариант выбрали 43% респондентов, а в 2005 г. вдвое меньше — 20%. Иными словами, мы видим, что лозунг, связанный с коммунистической идеологией, явно менее популярен сегодня, чем в середине 1990-х гг. Вместе с тем картина не столь однозначна: если в 1996 г. считали, что земля должна быть «исключительно собственностью государства», 5% подростков, то сегодня таких в 3 раза больше — 17%. Повышение значимости этого варианта ответа свидетельствует о значительном увеличении числа сторонников государственной монополии, сильной государственной власти.

Анализ данных об отношении к свободному хождению в России иностранных валют показывает, что по сравнению с серединой 1990-х гг. существенных изменений не произошло: в 1996 г. 45% опрошенных поддерживали свободное хождение в России иностранных валют, «поскольку это позволяет защитить свои личные сбережения от инфляции», в 2005 г. доля таких ответов составила 42,5%. Объясняют свою поддержку хождения иностранной валюты тем, что это «придает им большую уверенность», соответственно 16,6 и 14,5%. Отрицательно же относятся к хождению иностранной валюты в силу того, что это «унижает чувство их национального достоинства», 12,0% респондентов в первом опросе и 9,9% во

втором. Единственный вариант ответа, относительно которого фиксируются значимые различия, связан с собственно экономической формулировкой. Так, если в 1996 г. каждый четвертый подросток (25%) считал, что «свободное хождение в России иностранных валют подрывает российскую экономику», то в 2005 г. доля таких ответов составила 18%. То есть сегодняшний подросток рассматривает хождение в стране иностранной валюты как необходимый элемент экономики, для него это не столь «экзотично», как для подростков поколения 1990-х гг.

И наконец, обратимся к ответам на вопрос о государственной политике по отношению к отечественным и зарубежным инвесторам и производителям. Надо заметить, что при ответе на данный вопрос достаточно высока доля тех подростков, кто «не имеет определенного мнения». Причем их число устойчиво: и в 1996 г., и в 2005 г. оно составило 25,0%. Не изменилось и число тех, кто придерживается позиции о приоритетной поддержке отечественных производителей и инвесторов, соответственно 33,4 и 34,4%. В то же время характерно, что с возрастом среди сегодняшних старшеклассников число сторонников этой позиции явно увеличивается: в 9-м классе 31%, в 11-м — 39%. По сути дела, эта возрастная динамика в определенной степени проясняет заметное падение по сравнению с 1996 г. числа тех, кто считает, что государственная экономическая политика должна строиться «путем создания равных условий для конкуренции отечественных и зарубежных инвесторов и производителей», с 37 до 25%.

В целом, характеризуя сдвиги в отношении старшеклассников к принципам экономической политики, можно выделить три тенденции: 1) усиление ориентированности на поддержку социально слабых групп; 2) неприятие коммунистических идеологием относительно собственности; 3) преимущественная поддержка отечественных производителей и инвесторов.

При ответе на вопрос о том, на какие социальные группы ориентирована нынешняя государственная политика России, треть подростков (35,0%) указывает, что государство поддерживает высокообеспеченные слои, лишь 12% считают, что нынешняя государственная политика ориентирована на малоимущих граждан, а 26% полагают, что государство наиболее заинтересовано в обеспечении интересов людей со средним уровнем дохода. В связи с этим важно обратить внимание и на более тонкие различия. Так, например, каждый шестой старшеклассник (17%) отмечает, что современная государственная политика ориентирована на поддержку работников властных структур, т.е. работает сама на себя. Для сравнения: указывают на то, что современная политика направлена на поддержку крестьян, 4% респондентов, а на поддержку интеллигенции — 9%. Характерно и то, что по сравнению с 1996 г. заметно выросла доля подростков, склонных к протестному поведению. Так, если в 1996 г. выразить свой политический протест в форме участия в митингах и забастовках были готовы 9% подрост-

ков, то в 2005 г. таких стало 24%. Выросло и число тех, кто мог бы выразить свой протест в акциях гражданского неповиновения: с 5,0 до 8,0% ($p = 0,0003$). Помимо этого заметно увеличилась доля тех, кто допускает для себя возможность подать иск в суд (с 9 до 15%) и обратиться в СМИ (с 2 до 8%).

Отношение к введению ограничений на различные виды деятельности. Сравнение ответов подростков на вопрос о необходимости запрещения в России тех или иных видов деятельности показывает, что здесь мнения в целом оказались достаточно устойчивы (табл. 2).

Таблица 2 Мнения подростков о видах деятельности, на которые в России необходимо ввести запрет, %

	1996 г.	2005 г.
Издание и распространение порнографической литературы и видео	11,9	23,1
Деятельность профашистских партий и организаций	45,4	43,7
Деятельность националистических партий и организаций	16,3	16,9
Деятельность различных религиозных сект	35,9	40,4
Деятельность организаций сексуальных меньшинств	15,3	16,6
Я так не считаю	10,5	10,7
Мне это безразлично	10,6	8,0

В то же время, как видно из табл. 2, за прошедшие годы в 2 раза увеличилась доля тех, кто считает необходимым ввести запрет на издание и распространение порнографической литературы и видео. Значимо возросло также и число сторонников запрета деятельности религиозных сект.

В связи с этим следует добавить, что в исследовании 2005 г. мы предлагали старшеклассникам специальный вопрос о допустимости цензуры в средствах массовой информации. Ответы на него показывают, что более четверти подростков (29%) считают ненужным введение цензуры в СМИ. Остальные считают введение цензуры целесообразным и указывают различные сферы, в которых она, по их мнению, необходима. Так, запрет на употребление ненормативной лексики в СМИ поддерживают 26% опрошенных. Причем среди девочек сторонников такого запрета заметно больше, чем среди мальчиков (соответственно 40 и 23%). Необходимость введения цензуры «на эротику» фиксируют 21% старшеклассников (среди девочек — 27%, среди мальчиков — 16%). Считают нужным ограничить «показ сцен насилия и жестокости» 19% подростков (среди мальчиков — 14%, среди девочек — 33%). В отношении других сфер применения цензуры гендерные различия не проявляются. Отбирать информацию при освещении «горячих» новостей, чтобы не сеять панику, считают необходимым 21% подростков; на необходимость ограничения «националистических высказываний» указывают 13,%. Следует подчеркнуть, что введение собственно *политической цензуры* поддерживают немногие старшеклассники. Так, исключить «антиправительственные высказыва-

ния» в СМИ считают нужным 7% опрошенных; запретить «критику действий президента и правительства» склонны 5% подростков.

Опыт структурного анализа политических ориентаций подростков. Приведенные выше данные в целом свидетельствуют о существенных изменениях в политических ориентациях современных подростков по сравнению с их сверстниками середины 1990-х гг. В то же время вполне правомерен вопрос о том, насколько взаимосвязаны между собой ответы школьников на те или иные пункты анкеты. Есть ли, например, связь между ответами респондентов на вопрос о государственном устройстве России и на вопросы о внешней политике, реформах в сфере экономики или информационной стратегии государства?

В связи с этим встает задача представить материалы исследования в более обобщенном и структурированном виде, с тем чтобы, с одной стороны, выделить фундаментальные содержательные ценностные структуры, определяющие политические взгляды старшеклассников, а с другой — проследить различия политических ориентаций у представителей разных поколений, у подростков, принадлежащих к разным социальным стратам. Решению данной задачи и посвящена эта часть работы.

С этой целью использован особый подход к обработке полученных результатов, который основан на математических процедурах факторного анализа. Именно такая техника представляется наиболее приемлемой, поскольку она не только позволяет выявить корреляционные связи между ориентациями на те или иные политические принципы и оценки (что фиксируется самой структурой выделяемых факторов), но и дает возможность судить об особенностях ценностных ориентаций у представителей разных поколений и разных социальных страт. Подобный подход был использован нами в целом ряде исследований [33; 34].

В результате факторного анализа были выделены пять факторов, которые характеризуют основные содержательные оппозиции. Определяющие ценностные ориентации подростков в сфере политики описывают 82,8% общей суммарной дисперсии. Первый биполярный фактор (F1) четко делит одиннадцатиклассников двух разных поколений: на его положительном полюсе сгруппировались одиннадцатиклассники 1996 г., а на отрицательном — одиннадцатиклассники 2005 г. Подчеркнем, что данный фактор дифференцирует именно поколенческие различия, вне зависимости от пола и материального положения семьи подростка.

Положительный полюс данного фактора определяют: ориентация на демократический политический режим; мнение о том, что Россия должна стать открытой страной, представление о независимости СМИ, а также суждения, фиксирующие ориентированность политики на интеллигенцию, на людей с минимальными доходами. Противоположный полюс фактора F1 определяет ориентацию на тоталитарный политический режим. При этом идеологическая ценность перестройки явно снижена, поскольку она оценивается лишь

как «результат борьбы за власть партийной номенклатуры». Таким образом, мы видим, что по своим идеологическим установкам отрицательный полюс фиксирует отказ от демократической риторики, характерной для 1990-х гг. Ориентация на тоталитарный политический режим коррелирует с расширением функций вооруженных сил: признается, что они могут использоваться не только для защиты страны от внешнего противника, но и для борьбы с криминальными структурами. Вместе с тем важно подчеркнуть, что на отрицательном полюсе фактора сгруппировались также варианты ответов, фиксирующие проявление патерналистских установок в отношении слабых социальных групп: необходимость льгот для пенсионеров, инвалидов, многодетных семей. И наконец, следует обратить внимание на то, что отрицательный полюс фактора характеризует проявление критических установок в отношении современной экономической политики.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что принципиальный сдвиг в политических ориентациях подростков, который произошел за последние десять лет, определяется явной идеологической переоценкой этапа перестройки («борьба партийной номенклатуры») и, как следствие, отходом от демократической идеологии: отказ от признания демократии как приемлемого для России политического режима, неприятие независимости СМИ, открытости внешней политики и экономики. Вместе с тем полученный результат не представляется нам столь однозначным. Наряду с явной ориентацией на поддержку жесткой власти (тоталитарный режим, расширение функций Вооруженных сил) признаются современные политические реалии, определяющие границы России. При этом ценностно значимой оказывается социально ориентированная государственная политика, направленная на поддержку социально слабых групп (пенсионеров, инвалидов, многодетных). И наконец, важно подчеркнуть критичность по отношению к действующей власти: неприятие современной экономической политики как ориентированной на интересы богатых слоев, что определяет одно из существенных напряжений в отношении подростка к политическим реалиям сегодняшней России. Определяя фактор в целом, его можно задать через оппозицию: ценностная ориентация на демократическую идеологию (положительный полюс) — ориентация на жесткую власть, которая в то же время реализует социально ориентированную политику (отрицательный полюс).

Остальные выделенные факторы характеризуют гендерные и социально-стратификационные различия.

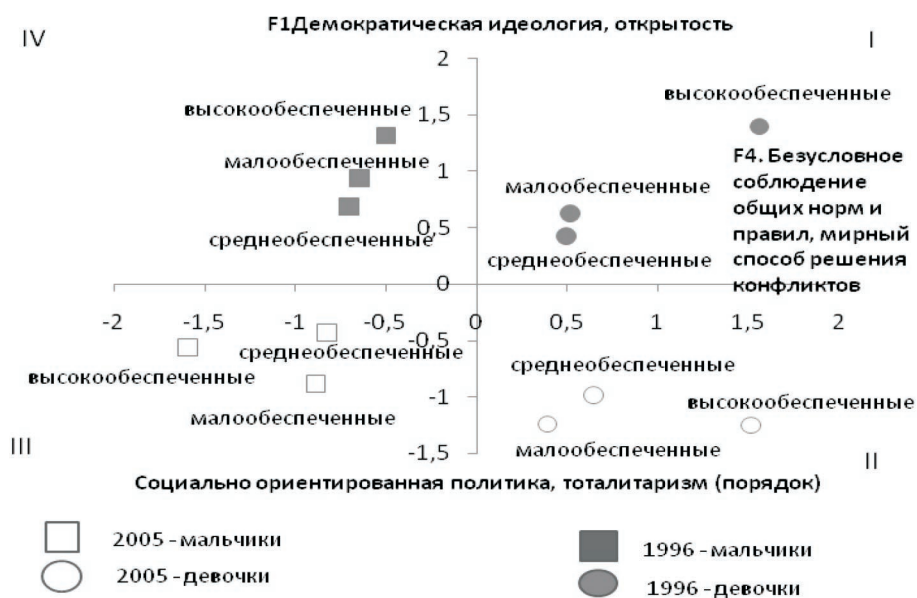
Так, например, фактор F4 явно дифференцирует позиции мальчиков и девочек как в середине 1990-х гг., так и в наши дни. Оппозиция, задаваемая данным фактором, строится на отношении к армии как социальному институту. Если положительный полюс фактора, на котором разместились девочки, характеризуется приоритетом гражданских прав и свобод, то отрицательный полюс фактора (мальчики) определяет армию как особый институт, где дей-

ствуют свои правила. При этом армия может выступать как средство подавления внутренних конфликтов, гражданского неповиновения и неконституционного захвата власти. В целом данный фактор можно задать через оппозицию: безусловность общих норм и правил, мирный способ решения конфликтов — целесообразность охранительной позиции, силовой способ решения конфликтов.

На рис. 1 приведено размещение мальчиков и девочек, принадлежащих к разным социальным стратам, по опросам 1996 г. и 2005 г.

Рис. 1. Размещение подростков из разных социальных страт по опросам 1996 г. и 2005 г. в пространстве факторов F1 (демократическая идеология, открытость — тоталитаризм, социально ориентированная политика) и F4 (безусловное соблюдение общих норм и правил, мирный способ решения конфликтов — охранительная позиция, силовой способ решения конфликтов)

Как видно из рисунка, учащиеся 2005 г. расположились в зоне отрицательных значений фактора F1 (тоталитаризм). В то же время гендерные различия в ценностных ориентациях, касающиеся, с одной стороны, отношения к армии как институту подавления и, с другой, отношения к безусловному соблюдению норм, остались неизменными.

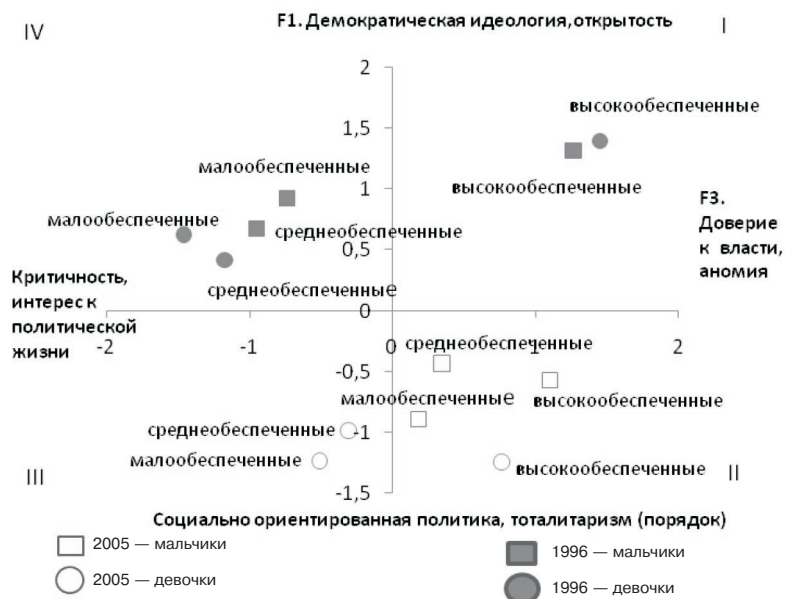
Весьма важным является фактор F3. Его положительный полюс характеризует доверие к президенту, Государственной Думе и одновременно безразличие к широкому кругу вопросов, касающихся внешней и внутренней политики. Отрицательный полюс, напротив, фиксирует обостренную чувствительность к широкому спектру политических вопросов (права собственности, социальное расслоение).

ние, права коренного населения, отношение к религии и др.). Характерно, что в 2005 г. генерация московских подростков, в сравнении с их сверстниками в 1996 г., явно смещается в сторону положительного полюса фактора F3. С одной стороны, это свидетельствует о явном усилении доверия к властным структурам (в первую очередь к президенту), но с другой — о *безразличии* к вопросам общественно-политической жизни. Этот феномен Э. Дюркгейм в свое время обозначил как *аномию*.

Завершая статью, вернемся к идее хронотопа. В качестве иллюстрации приведем особенности размещения московских подростков поколений 1996 г. и 2005 г. из разных социальных страт в пространстве факторов F1 и F3 (рис. 2).

Рис. 2. Размещение подростков из разных социальных страт по опросам 1996 г. и 2005 г. в пространстве факторов F1 (демократическая идеология, открытость — социально ориентированная политика, тоталитаризм) и F3 (доверие к власти, аномия — критичность, интерес к политической жизни)

Квадранты, заданные осями факторов F1 и F3, можно рассматривать как своеобразные ценностно ориентированные пространства — хронотопы. Например, квадрант IV определяет ценностное пространство, ориентированное на принятие демократической идеологии (F1+) , критичность и интерес к политической жизни (F3-). Противоположные ценностные ориентации задает квадрант II: тоталитаризм (F2-) и аномия (F3+). Представленные на рисунке данные показывают, что по прошествии девяти лет мальчики из малообеспеченных и среднеобеспеченных слоев кардинально изменили свои ценностные ориентации, переместившись из квад-

ранта IV в квадрант II. В этот же квадрант сместились и представители высокообеспеченного слоя (и мальчики, и девочки).

Таким образом, благодаря структурному анализу эмпирических данных мы смогли перейти от фиксации отдельных мнений подростков относительно разных аспектов политической жизни страны к выявлению общих содержательных тенденций изменения политических ориентаций подростковой субкультуры в ее конкретной исторической динамике.

Литература

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование). М.: Просвещение, 1968.
5. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
6. Выготский Л.С. Педология подростка. Т. 4 // Собр. соч. в 6 т. М., 1984. С. 6–242.
7. Высоцкий В. Сочинения: в 2 т. М., 1991. Т. 2.
8. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
9. Голоса из России: сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Книжки I–IX. 1856–1860. М., 1974.
10. Гудков Л., Дубин Б. Литературная культура: процесс и рацион // Дружба народов. 1988. № 2. С. 36–47.
11. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика, 1986.
12. Дэнкен Ж.-М. Политическая наука. М.: МНЭПУ, 1993.
13. Достоевский Ф.М. Книжность и грамотность. Статья первая. Т. XIX // Полн. собр. соч. в 30 т. М., 1979. С. 5–20.
14. Дюркгейм Э. Социология образования. М.: Интор, 1996.
15. Ерофеев В. Избранное, или Карманный апокалипсис. Москва — Париж — Нью-Йорк: Третья волна, 1993.
16. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.
17. Кон И.С. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988.
18. Курильски-Ожвэн Ш. и др. Образы права в России и Франции: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1996.
19. Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Избранные статьи в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 269–286.
20. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988.
21. Митина О.В., Петренко В.Ф. Синергическая модель динамики политического сознания // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 200–214.
22. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.
23. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.

24. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.
25. Паперный В. Культура «Два». Ann Arbor: Ardis Publishers, 1985.
26. Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. М.: ЦКСИИМ, 1996.
27. Поливанова К.Н. Психологическое содержание подросткового возраста // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 20–32.
28. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: МГУ, 1986.
29. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Полн. собр. соч. в 10 т. М., 1957. Т. 6. С. 391–541.
30. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.; Л.: Гослитиздат, 1961.
31. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.
32. Рубинштейн С.Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 28–34.
33. Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997.
34. Собкин В.С., Ваганова М.В. Жизненные перспективы и страхи // Социокультурные трансформации подростковой субкультуры. М.: Центр социологии образования РАО, 2006. С. 7–18.
35. Собкин В.С., Писарский П.С. Динамика художественных предпочтений старшеклассников. По материалам социологических исследований. М.: Мин-во образования РФ, 1992.
36. Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М.: Мин-во образования РФ, 1992.
37. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва — Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. М.: Центр социологии образования РАО, 1994.
38. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
39. Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара // Сочинения. М.; Л.: Худ. лит., 1959. Т. 2.
40. Фельдштейн Д.И. Психология развивающейся личности. М.: Воронеж, 1996.
41. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
42. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
43. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123–136.
44. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992.
45. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Сочинения. М., 1989. С. 139–154.
46. Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы // Сочинения. М., 1989. С. 155–216.
47. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
48. Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб.: Ленато: АСТ: Фонд «Университетская книга», 1996.
49. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

50. Lefebvre V.A., Lefebvre V.D. Problems of risk as mirrored by soviet culture. Social sciences report (R95). Irvine, California, 1981.

51. Sobkin V.S., Pisarskii P.S. A sociocultural analysis of the educational situation in the megalopolis. Part 1. Sociocultural orientations: Life values, attitudes, and motives // Russian Education and Society. May 1996. Vol. 38. No. 5.

52. Sobkin V.S., Pisarskii P.S. A sociocultural analysis of the educational situation in the megalopolis. Part 1. Sociocultural orientations: Life values, attitudes, and motives // Russian Education and Society. June 1996. Vol. 38. No. 6.

53. Sobkin V.S., Pisarskii P.S. A sociocultural analysis of the educational situation in the megalopolis. Part 1. Sociocultural orientations: Life values, attitudes, and motives // Russian Education and Society. July 1996. Vol. 38. No. 7. P. 5–47.